

в Объединенный Диссертационный совет 99.0.131.03,
350063 Краснодар, ул. Красная, д. 28, каб. 25

от КОНОНЕНКО Евгения Ивановича,
доктора искусствоведения,
зав. Сектором искусства стран Азии и Африки
Государственного института искусствознания

**Отзыв на диссертацию УГЛЕВОЙ Натальи Владимировны
«Музейная атрибуция древнерусской мебели: подходы, методы,
практики», представленной на соискание ученой степени доктора
культурологии по специальности
5.10.2. – Музееведение, консервация и реставрация историко-
культурных объектов (культурология)**

Диссертация Н.В. УГЛЕВОЙ посвящена важному и дискуссионному вопросу атрибуции музеефицированных объектов, систематизации принципов и методов такой работы и критике имеющейся практики атрибуции. Столь редкая тема, раскрытие и углубление которой способно повлиять не только на экспонирование произведений, но и на отношение к ним, позволяет прогнозировать далеко идущие последствия, что обуславливает повышенное внимание к данной работе.

В диссертации поднимается целый ряд важных и интересных вопросов – акцентирование исследований провенанса музейных памятников, уровень доверия к источникам личного происхождения, учетной документации, сопоставление с текстовыми и изобразительными данными, причины выраженной анахроничности вещей и т.д..

Учитывая безусловную важность поднимаемых вопросов, следовало ожидать, что оформление посылок, аргументов и выводов в представленном исследовании, тем более предлагаемом в качестве докторской диссертации, будет безупречным. Однако, к сожалению, при всем уважении к огромному опыту исследователя, это не происходит.

Основанием для данного отзыва стал текст диссертации, выложенный на сайт http://dissovet.heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2025/09/Ugleva_dis.pdf; указания номеров страниц производятся именно по данной публикации.

Научная проблема и актуальность исследования

В первую очередь сомнение вызывает формулировка поднимаемой научной проблемы, наличие которой определено нормативными требованиями (п. 9 Положения о присуждении ученых степеней). Соискатель указывает: *«Проблема исследования заключается в осмыслении существующих подходов, методов и практик атрибуции древней мебели, чтобы выработать новый подход, позволяющий выявлять, идентифицировать и атрибутировать древнерусскую мебель»* (с. 19). Из такой формулировки непонятно, – в чем именно состоит

проблемная ситуация, как наличие противоположных позиций формирует проблему и существует ли она вообще.

Во вводной части соискатель неоднократно указывает на свое несогласие с существующими атрибуциями мебели, находящейся в музейных собраниях. При этом на с. 5 оговорено: *«Отсутствие любой информации как зафиксированной на самих мебельных предметах, так и в документации разного рода крайне затрудняет атрибуцию. Именно поэтому она зависит от индивидуальных навыков, опыта и знаний исследователя»*; тем самым совершенно справедливо признается важность субъективного фактора в экспертной оценке и атрибуции. Обоснование собственных атрибуций (к чему, собственно, сводятся и весь пафос работы, формулировка цели и объекта исследования, предлагаемая на с. 19, задача № 6, предлагаемая на с. 20) – это лишь противопоставление одной субъективной (несмотря на аргументацию) оценки другим, ранее предложенным. Вряд ли такое противопоставление следует рассматривать именно как научную проблему, которую следует решать на уровне докторской диссертации.

Столь же неубедительно представлена «Актуальность исследования» (с. 4–7): соискатель сразу диагностирует ошибочность существующих датировок, акцентирует значительность собственного опыта и отсылает читателя к указу Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808, что, видимо, должно убедить в «соответствии» и «правоте». Признаться, не убеждает.

Возникают серьезные сложности с аргументацией ошибочности исходной посылки – в диссертации указано: *«Столь же устойчиво существуют на протяжении XX и первой четверти XXI столетий положения, ставшие стереотипом, об отсталости русского мебельного искусства от европейского, о твердой устойчивости традиции, возведенной в ранг национальной особенности, вследствие чего сформировалась догма о воспроизведении домонгольских форм на протяжении XVI–XVIII вв.»* (с. 5–6) Если такие положения, ради опровержения которых предпринято представленное исследование, «устойчиво существуют», то безусловно следовало бы ознакомить с ними читателя; но в тексте нет никаких ссылок, доказывающих, что такие положения кем-то когда-то высказывались и что подобное мнение действительно «устойчиво», а они здесь необходимы. Возникает закономерный вопрос – не сам ли соискатель предлагает это положение, чтобы с ним далее спорить? Не происходит ли подмена тезиса? Действительно ли возникает противоречие, формирующее научную проблему?

Здесь же (с. 6) заявляется: *«Эти парадоксальные выводы вызвали сомнения с первых дней изучения ранних этапов истории отечественного мебельного производства и послужили импульсом для более углубленного их познания»*. Однако «эти парадоксальные выводы» не снабжены ни приведенными цитатами, ни сносками, по которым можно было бы проверить как «парадоксальность» каких-либо выводов, так и их авторство и даже само их существование. В данном случае нарушается требование проверяемости и воспроизводимости научной информации.

На с. 32 в определении теоретической значимости предлагаемого исследования указано: *«Автор диссертационного исследования отрицает устоявшуюся и отмеченную в литературе концепцию об отсталости в развитии и консервативности этого вида русского искусства, доказывает ошибочность мнения, что русские мастера вплоть до XVII столетия, в отличие от европейского опыта, продолжали воспроизводить лишь домонгольские формы мебели»*. Опять-таки не сказано – с чьим именно ошибочным мнением спорит

соискатель? Кем, когда и где высказано это мнение, объявляемое ошибочным? Никаких ссылок нет, возможности проверить, верно ли пересказано это мнение, когда именно, в каких обстоятельствах и в каком контексте оно прозвучало, да и высказывалось ли вообще, читателю не предоставлено. Или это опять придуманный тезис, с которым удобно спорить?

На с. 228 (это уже конец 3 Главы) соискатель повторяет этот же основополагающий для данного исследования тезис: *«Осмыслению подверглись наиболее спорные утверждения, констатирующие, что древнее наследие полностью утрачено, а одна и та же форма мебели в память о нем воспроизводилась на протяжении почти половины тысячелетия»*. Никаких ссылок, подтверждающих существование этих «спорных утверждений», также не приведено.

На с. 234 снова утверждается, что *«к началу XXI в. в качестве научной позиции некоторых исследователей окончательно закрепилось положение о гибели всего древнего из области мебельного производства»*; снова нет ни цитат, ни ссылок на какие-либо источники этого «закрепившегося положения». Многократное повторение бездоказательной посылки призвано убедить читателя в ее правоте, но для научного текста подобная непроверяемость исходной посылки недопустима.

Соискатель считает, что *«актуальность исследования определяется необходимостью пересмотра истории русского мебельного искусства»* (с. 6). А действительно ли есть такая необходимость? То, что соискатель имеет собственный взгляд на сохранность «древнерусской мебели» и предлагает иную методику атрибуции, вовсе не подразумевает необходимости пересмотра истории искусства. А коль скоро такая необходимость просто декларирована, но не аргументирована, меняет логику указанного тезиса: если необходимости на самом деле нет, то в определении актуальности исследования именно через эту необходимость возникают серьезные сомнения. Если необходимости на самом деле нет, действительно ли предлагаемое исследование актуально?

Серьезные претензии вызывает и характеристика «степени научной разработанности проблематики». Соискатель справедливо указывает: *«Тем не менее до настоящего времени не существует узкоспециальных работ, посвященных древнерусской мебели или конкретным сохранившимся в музейных собраниях памятникам IX–XVI вв. в силу того, что этот материал до сих пор не был обнаружен»* (с. 8). Было бы по меньшей мере странно, если бы при отсутствии фактического материала появились посвященные ему узкоспециальные работы. Возможно, в данном случае правильнее было бы снять упрек в адрес специалистов, категорически отказывавшихся исследовать материал, которым они не располагали, и поменять местами причину и следствие. При этом даже упоминание привлеченных исследований не лишено ошибок: так, обращаясь к работе «Происхождение и ранняя история славян» 1979 г., соискатель во избежание путаницы (?) специально оговаривает, что речь идет о «монографии Вл. В. Седова» (с. 13), тогда как на самом деле автором книги является Валентин Васильевич Седов. В результате опечатки подобное «уточнение» становится неверным и снижает доверие ко всей аргументации.

Гипотеза и задачи исследования

На с. 19 соискатель указывает: *«Подводя итог анализу степени научной разработанности проблематики, относящейся к данному диссертационному*

исследованию, можно сделать вывод, что древнерусская мебель, созданная до XVI столетия, не была выявлена исследователями в музейных собраниях страны и, соответственно, проблема генезиса и эволюции практики ее атрибуции не являлась предметом специальных музееведческих и культурологических исследований». Эту формулировку можно понимать следующим образом: поскольку мебель, созданная ранее XVI в., не была выявлена, не было ни литературы о ней (что справедливо), ни научной проблемы, но как только усилиями соискателя такая мебель явилась миру, тут же стало возможным говорить как минимум о проблеме ее генезиса и эволюции. Однако выше проблема исследования была сформулирована иначе... Необходимость переатрибуции появляется только после того, как соискатель допускает (а речь идет именно о гипотезе, и для диссертации это принципиально важно) сохранность предметов ранней («древнерусской») мебели. Не является ли в данном случае предлагаемая гипотеза основанием для притягивания фактов?

К сожалению, дело обстоит именно так. Во Введении сохранность «древнерусской мебели» вообще не предлагается в качестве гипотезы исследования (слово «гипотеза» в тексте диссертации использовано только 5 раз – с. 171, 184, 243, 281, 306); то, что «раннее происхождение рассматриваемых произведений» остается лишь гипотезой, проговорено лишь единожды на с. 281. Формулируя объект и предмет исследования, соискатель пишет: «Объект исследования: музейная атрибуция древнерусской мебели. Предмет исследования: подходы, методы и практики атрибуции древнерусской мебели». Во-первых, не понятно, чем объект отличается от предмета, а для докторской диссертации это недопустимо. Во-вторых (и это главное), само существование в музеях образцов «древнерусской мебели» подается как данность, хотя убедить в этом читателя соискатель еще не успевает. При этом на с. 20 появляется показательная оговорка: «...что обусловлено датировкой изучаемых памятников IX–XVI вв.» – тем самым автор априорно навязывает предлагаемую датировку, не оговаривая, чем именно она «обусловлена».

На с. 21 соискатель делится ходом работы: «*Именно поэтому, игнорируя мемориальный компонент, из фонда экспедиций отобраны несколько образцов для последующего исследования*»; как отбирались эти образцы? Сколько это «несколько»? Почему именно эти? Чем они лучше или хуже всех остальных? Насколько репрезентативна такая выборка? Не является ли такая выборка простой подгонкой фактов под уже подготовленную гипотезу?

А «гипотетичность» тем не менее все более затушевывается – на с. 29 при характеристике новизны исследования заявляется: «*негативная оценка (на источники которой никаких ссылок так и не появилось. – Е.К.) была опровергнута благодаря изменению подхода в атрибуционной работе в первой четверти XXI в., который позволил вычленил из общего состава музейных коллекций предметы и отнести их к такому феномену как древнерусская мебель*». О предположениях речь уже не идет, уже, оказывается, «опровергнуто», «изменено», «вычленено», «отнесено». И чуть позже, говоря о новизне исследования, прямая декларация: «*Опровергнуто положение об утрате древнего наследия путем введения в научный оборот реатрибутированных образцов древнерусской мебели IX–XVI вв., находящихся в собраниях музеев России и отнесенных предшественниками к памятникам XVII–XIX вв.*» (С. 30). Прямая констатация: предшественники ошибались, образцы уверенно переатрибутированы, положение опровергнуто,

гипотеза доказана; во всяком случае, у читателя должно сложиться именно такое впечатление. И только на с. 281 соискатель напоминает, что это ведь все еще только лишь гипотеза... Но, кажется, сам в это уже не верит.

В этой связи настораживает сформулированная задача № 7: *«Сформировать наглядный ряд предметов мебели, представляющих древнерусское наследие, опровергнуть необоснованные оценки древнего периода отечественной истории мебельного искусства, что станет завершающим этапом в решении поставленных задач»*; а если этот ряд не будет сформирован, и даже если он не окажется достаточно «наглядным» – будет ли это значить, что «завершающий этап» не наступил и поставленные задачи не решены? При этом на «сформированный» ряд памятников с «обусловленной» датировкой возлагается серьезнейшая задача: *«Введение в научный оборот рассмотренной в данной работе мебели актуально для использования ее в качестве эталонных образцов для изучения других музейных предметов»* (7). Т.е. передатировать, назначить эталоном, а там и другие музеефицированные памятники можно подтянуть во исполнение какого-нибудь указа, заказа, госкаталога и т.д.

Обращает на себя внимание категория «актуальность». Актуальным объявляется введение мебели в научный оборот (с. 7). Положение № 5 (с. 31) оговаривает, что *«практика исследования древесины методом радиоуглеродного анализа не приносит актуальных результатов»*, – видимо, подразумевается, что такие результаты не подтверждают предлагаемую гипотезу. На с. 30 в качестве «новизны» оговорено, что *«впервые показана неактуальность применения метода радиоуглеродного анализа для датирования древнерусской мебели»*; как вообще актуальность может быть критерием использования какого-либо метода? Не подменяет ли (во всяком случае, к передатировке мебели) модная «актуальность» более важную для методологии категорию – результативность, а для атрибуции – достоверность?

Положения, выносимые на защиту

Следует остановиться на Положениях, выносимых на защиту (с. 30–32). Имеет ли смысл защищать отдельное Положение № 3, сводящееся к констатации факта, что *«во второй половине XX в. древняя мебель была выделена в отдельную область исследования»*? Будет ли кто-то спорить с данным Положением? Или же его выделение потребовалось для создания очередного дискуссионного поля и искусственной проблемной ситуации?

Положение № 4 сообщает о том, что *«в первой четверти XXI в. на основе комплексного подхода осуществляется пересмотр древнего этапа истории мебельного искусства, а также атрибуций мебели, датированной XVI–XIX вв., на более раннее время с привлечением комплексного подхода»*. Тут хотелось бы уточнить поименно – кто именно, помимо соискателя, осуществляет указанные пересмотр и переатрибуцию? Идет ли речь о результатах индивидуальной деятельности или же такая работа действительно является широким трендом научной и экспертной работы? Если первое, – не преждевременно ли работу конкретно соискателя расширять до особого этапа в изучении мебельного искусства?

Положение № 5 (с. 31) касается доказательства «неактуальности» радиоуглеродного анализа для исследования древесины: *«В атрибуции древнерусской мебели практика исследования древесины методом*

радиоуглеродного анализа не приносит актуальных результатов, т.к. полученные в качестве итога хронологические рамки исчисляются несколькими веками». Это Положение оформляется как одна из задач исследования: «Оценить эффективность методов радиоуглеродного анализа датирования древесины и методов технико-технологических исследований для определения времени создания древнерусской мебели» (с. 20). Во Введении формулируется уже и готовый вывод: «подтверждено несовершенство метода радиоуглеродного анализа для датирования древнерусской мебели на современном этапе» (с. 35)

Далее посмотрим, что же сказано об этом методе в тексте диссертации. На с. 253–257 сообщаются сведения о сущности метода радиоуглеродного анализа и границах его применения, причем последние оформляются цитатами на работы Э. Зазовской и А. Тишкина. Далее о применении радиоуглеродного анализа упоминается только дважды - на с. 309, где сказано о слишком широкой датировке (более века), и на с. 327, где сказано о невозможности взятия проб без ущерба для экспоната. Обещанная оценка (не)эффективности метода не проведена, вывод о несовершенстве метода исследователем не подкреплён. Из этого приходится заключить, что ни посылка, оформленная как Положение для защиты, ни вывод о «подтверждении несовершенства» в диссертации не доказываются, а задача «оценить эффективность» не решается – вопреки сделанным утверждениям.

Положение № 6 оговаривает: *«В основе эффективной музейной практики выявления и атрибуции древнерусской мебели лежит комплексный подход исследования. Он базируется на рассмотрении вещи как предмета культуры, наделенного значимой информацией, на выверке мемориальной составляющей, выявлении провенанса, использовании метода формально-стилистического анализа и оценки состояния сохранности»* (с. 31). Действительно ли данный тезис является настолько новым, что становится одним из положений, ради которых пишется докторская диссертация? Надо ли доказывать это положение? Станет ли кто-нибудь его оспаривать? Задачи и методы атрибуции перечислены уже в статье Википедии, там же предложена базовая литература, и сформулированное соискателем «положение» никак не дополняет эту информацию. Кроме того, данное положение ничего не добавляет к, например, определениям в публикациях Е.В. Антоновой, А.А. Пелипенко, А.А. Селиверстовой, Н.Э.А. Саламзаде, И. Решетникова, И.Я. Богуславской и др. Вопрос о знаковой сущности вещей – общее место в исследованиях по семиотике и культурной антропологии (библиографию можно найти в монографии А.П. Лободанова «Семиотика искусства: история и онтология»).

Метод работы

В приведенных Положениях №№ 4 и 6 следует обратить внимание на упоминание некоего «комплексного подхода», именно благодаря которому музейные коллекции пересмотрены и передатированы и который отныне должен стать «основой эффективной музейной практики» (видимо, все предшествующие практики следует считать неэффективными). Но в необходимом разделе о методологии исследования (с. с. 27–28) никакой уникальный комплексный подход не описан: там оговорены ценность подхода Г.С. Кнабе, визуальный, технико-технологический, радиоуглеродный, сравнительно-исторический методы и формально-стилистический анализ (применительно к последнему соискатель указывает: *«Метод формально-стилистического анализа служил для*

дифференциации памятников в соответствии с определенными художественными явлениями» (с. 28), не оговаривая, какие это явления, в чем их определенность и кем конкретно они определены). Никакой новый «комплексный подход» в методологическом параграфе не формулируется, методические предложения не выносятся на защиту в качестве самостоятельных Положений.

О «комплексном подходе» речь идет в отдельном разделе диссертации (параграф 3.1, с. 155 и далее), причем подход этот понадобился «для решения задачи выработки актуальных сведений о древнерусской мебели» (с. 155), – соискатель, правда, не объясняет, какие сведения следует считать «актуальными» (и чем они будут отличаться от «неактуальных»), как именно сведения следует «вырабатывать» и действительно ли существует такая задача. Далее соискатель подробно описывает причины сомнений в имеющихся атрибуциях и алгоритмы музейной работы, однако попытки сформулировать именно методические наработки выглядят неумело. Например, трудно представить себе «анализ внешнего облика предмета без визуального обследования» (с. 165).

Именно такой «анализ» заставляет соискателя усомниться в датировке тронного кресла из подарков шаха Аббаса I, хотя эти сомнения связаны с целым рядом допущений (с. 166–168) – если кресло действительно досталось от «прежних великих государей персидских», если замена обивки производилась из-за серьезного износа... А если поискать иные объяснения – возможно, передатировка и не понадобится... Делаемый на основании всех допущений вывод: «совокупность всех перечисленных визуальных признаков позволяет атрибутировать кресло как образец персидской работы XV–XVI вв., в манере художественного образа которого явно прослеживается использование европейского наследия – романского искусства и готики» (с. 168) – также является лишь гипотезой, не объясняющей ни что такое «манера художественного образа», ни почему в персидской работе вдруг проявились романика и готика – а это должно было стать отдельной задачей исследования.

Столь же поверхностны допущения типа: «Визуальный анализ памятника позволяет причислить его к образцам, созданным под влиянием искусства Ренессанса» (с. 172). Это тот самый «анализ без визуального обследования»? Насколько велико было на Руси влияние Ренессанса, к каким именно образцам позволительно причислить, насколько это позволительно? И вдруг на той же странице робкое допущение «позволяет причислить» становится базой для категоричного вывода: «На основе рассмотрения внешнего облика предмета становится очевидным, что время его происхождения следует определить периодом господства Ренессанса в Европе – XV–XVI вв.» (с. 172). Разница между «позволяет» и «под влиянием», с одной стороны, и «определить периодом господства», с другой, вдруг исчезает.

Далее: «Если считать это авторским почерком, то иранское происхождение и этого предмета можно считать более чем вероятным» (с. 173) А если НЕ считать? Одно допущение происходит из другого допущения; если есть иное объяснение, то выводы попросту рассыпаются. Предложение единственного объяснения (тем более базирующегося на цепочке допущений) недостаточно для серьезного исследования, претендующего на статус докторской диссертации.

Соискатель проводит атрибуцию: «Форма памятника <... > транслирует принятые в Европе принципы создания кресел эпохи Возрождения и, исходя из

этого, можно констатировать европейское или иранское происхождение кресла царя Алексея Михайловича в XV–XVI вв. в подражании известным образцам» (с. 177–178). Так европейское или иранское? Это совсем не одно и то же. Следует объяснить, как и почему иранское кресло (если оно иранское) «транслирует» формы Возрождения... И если памятник что-то «транслирует» или чему-то подражает, то это совсем не значит, что этот памятник создан тогда же, когда и образец для подражания, а не спустя века. Каким именно «известным образцам» подражает памятник? Разброс предлагаемого провенанса «европейское или иранское» не выглядит убедительным, тем более когда речь идет об оставлении авторского метода атрибуции.

Не слишком понятно, почему описание практики музейной деятельности соискателя представлено как «Трансформация подхода к музейной атрибуции древнерусской мебели в первой четверти XXI в.» – именно так называется Глава 3. Фактически текст главы представляет собой эпизоды музейно-атрибуционной работы, каждый из которых может являться докладом или статьей, но глава диссертации лишена необходимых выводов, которые позволили бы говорить именно о новом этапе в истории атрибуции и тем более о «трансформации подхода». На с. 207–211 подробно рассказывается о работе над гардеробом, в отношении которого соискатель приходит к выводу: *«гардероб был выполнен в России, вероятнее всего, в Санкт-Петербурге в период с 1721 г. – времени создания офорта, по 1727 г., когда закончилась карьера А.Д. Меншикова»*. Однако выше (с. 207) цитируется каталог Музея мебели, *«где гардероб причислялся к образцам русской работы XVIII в.»* (с. 207). В чем противоречие? В чем «трансформация подхода»? Произведено уточнение атрибуции, сужена датировка, что регулярно происходит в музейной среде. Говорить о какой-то «трансформации подхода» и принципиальной научной новизне в данном случае не приходится. Разделы текста в качестве выводов 3-й главы не содержат развернутого описания «подхода», но лишь перечисляют «факторы», которые следует учитывать, и каких-то новых факторов среди них нет.

Откровением оказывается признание относительно складного стула, ранее датированного 1870–1880 гг.: *«С первого взгляда в нем можно узнать ренессансный итальянский образец XV–XVI вв. в русской интерпретации»* (с. 211). Никакой аргументации подобного «узнавания» соискателем не приведено, кроме утверждения, что именно складная мебель должна была соответствовать нуждам путешественников, а именно в XVI веке русские активно осваивали новые земли. Этот аргумент критики не выдерживает – изображения складной мебели известны и в Древнем Риме, и в Древнем Китае. Атрибуционный критерий «с первого взгляда можно узнать» не может быть признан научным. Однако соискатель признается, что именно *«таким образом начала складываться группа памятников древней отечественной мебели, требующая специального изучения»* (с. 212). Из этого приходится делать вывод, что предлагаемые передатировки и попытка выявить более ранний хронологический пласт в мебели в отечественных собраниях базируются исключительно на «первом взгляде» отдельного исследователя и не имеют под собой какого-либо научного обоснования, а тем более претензий на «трансформацию подхода».

Приводя инвентарное описание предмета, соискатель делает вывод: *«в последнем описании отмечена сохранность, подтверждающая древнее происхождение предмета»* (с. 215). Никакого подтверждения древности описание

при этом не содержит – в описании есть упоминание «ветхости» и следов использования. Соискатель выдает желаемое за действительное, делая тенденциозный вывод, соответствующий авторской концепции, но никак не аргументированный. Сходство предмета с итальянскими кампанилами тоже определяется весьма субъективно и также не аргументировано: утверждение *«Такой декоративный прием находит реминисценции с зодчеством»* (с. 215) не может быть принято как доказательство, тем более соответствующее уровню докторской диссертации.

На с. 219–220 соискатель рассказывает о кресле, ранее датированном (по вышивке обивки) допетровским периодом *«без ограничения нижней границы в связи с отсутствием достаточной информации о времени его изначального происхождения»*. Почему из такой неопределенной датировки вдруг следует вывод: *«В совокупности с вышеизложенным, учитывая особенности формы проножки, правомерно считать, что исследуемое кресло выполнено русскими мастерами в XV–XVI вв.»*? (с. 220) Про временной промежуток XV–XVI вв. выше не было сказано ничего – откуда взялась именно такая датировка? С тезисом *«правомерно считать»* трудно согласиться – это очередное допущение, которое в данном случае выдается за новую датировку, укладываемую, видимо, в декларированную *«трансформацию подхода»*. Эта *«трансформация»* лишается доказательств и превращается в набор сомнительных утверждений, и цитаты из Вельфлина не спасают положение.

На с. 223 соискатель, анализируя стул, декорированный завитками, *«ремнизирующими с декором капителей передних вертикальных брусков норвежского кресла XII–XIII вв.»*, решает привлечь в качестве возможных аналогов новгородские памятники IX–XI вв. При этом указанные *«резные зооморфные изображения, центрические круги и сквозные отверстия»* явно можно обнаружить на изделиях и 12–13, и 15–16 вв. Почему вдруг внимание обращается именно на 9–11 вв.? Не только ли потому, что соискателю выгодно настолько удревить памятник? Иных аргументов в пользу обращения именно к этим аналогам не приведено, равно как не исключены любые другие аналоги, что обязан был сделать любой грамотный исследователь. Аргументации в данном случае откровенно не достаточно, и вывод *«Подобные сходства наряду с архаичностью конструкции и описанной степенью сохранности позволяют причислить стул из коллекции Исторического музея к произведениям новгородцев, имевшим наиболее тесные контакты с викингами, воспринявшими и ассимилировавшими достижения их культуры. Именно поэтому в качестве даты следует рассматривать диапазон с IX по XI вв. включительно»* (с. 225), вызывает лишь недоумение. Кстати, что такое *«центрические круги»* и бывают ли круги какими-то иными, не центрическими?

Так же бездоказательно *«на первый взгляд»* тронное кресло Елизаветы Петровны атрибутировано Растрелли – просто потому, что тот служил обер-архитектором, а *«только главному придворному архитектору могли поручить декорирование тронного зала и проектирование императорского трона»* (с. 240–241); при этом в одном месте декларируется, что авторство Растрелли *«практически неоспоримо»*, и тут же формулировка смягчается: *«можно сказать, что тронное кресло Елизаветы Петровны следует атрибутировать как работу русских мастеров, выполненную, с большой долей вероятности, по проекту Ф. Б. Растрелли»*. Шкала уверенности при атрибуции от *«неоспоримо»* до *«можно сказать + следует + с большой долей вероятности»* выглядит слишком размытой,

чтобы ее можно было применять в музейной работе и тем более считать результатом положения, доказанного в докторской диссертации.

Серьезные сомнения вызывает описание работы со шкафом, подаваемое как показательный пример использования «комплексного метода» (с. 263 и далее). Соискатель высказывает сомнение по поводу существующей датировки предмета началом 18 в., прежде всего на основании отсутствия барочных влияний (что в свою очередь «вызывает недоумение» у читателя). Но тут же следует вывод: *«Не могли стать почвой для создания данного артефакта и предшествующие XVI–XVII столетия, ретранслирующие принципы европейского барокко более ранней стадии развития, так же как и XV в., использовавший достижения Ренессанса»* (с. 264). Утверждение слишком категоричное и лишено аргументации: если конкретный исследователь не увидел неких признаков Ренессанса и барокко (а каких именно? Проявления вельфлиновских основных понятий?), то достаточная ли это причина исключать соответствующую датировку? Ближайшие аналоги декора соискатель обнаруживает в белокаменной резьбе Владимиро-Суздальского княжества 12–13 вв. и готических реликвариях и даже мозаиках 5 в. Подход, позволяющий действовать по принципу *«Не найдя свидетельств этого времени, обратимся к периоду на 100 лет позднее»* (с. 271), попросту неисторичен и антинаучен. Кроме того, такое утверждение противоречит отвержению радиоуглеродного метода по причине слишком широкой датировки – разброс хронологии технического метода соискателя не удовлетворяет, а поиск аналогов с разбросом в сотни лет кажется вполне «актуальным»: *«базовым аналогом для атрибуции являются указанные архитектурные сооружения, поэтому датировка шкафа из собрания Исторического музея связана с историей их постройки и находится в диапазоне между серединой XII и первой третью XIII столетий, собственно, временем, к которому относятся и остальные приведенные для сравнения памятники»* (с. 272). А может, элементы сходства следовало бы поискать, например, в хеттских рельефах или в архитектурной резьбе майя? Результат оказался бы столь же достоверным. Соискатель, правда, оставляет лазейку: *«При сравнении с приведенными источниками не следует искать полной идентичности»* (с. 273), но без такой идентичности говорить о формировании какого-либо нового метода и отстаивать его результативность попросту бессмысленно.

Исходя из сказанного, следует признать, что представленное в качестве докторской диссертации исследование Н.В. УГЛЕВОЙ лишено серьезной научной проблемы (создается только видимость таковой, но даже проблемная ситуация соискателем не показана и не доказана, утверждения, содержащиеся в диссертации, не проверяемы и не воспроизводимы). Исследование не содержит «новых обоснованных решений, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие страны». Вопреки декларациям, в работе не сформулирован некий новый «комплексный подход», результаты применения которого обладают научной достоверностью. Авторские суждения базируются на цепочке допущений, остаются субъективными и не подтверждаются в необходимой степени. Положения, выносимые на защиту, не обладают научной новизной и не получают необходимой аргументации.

Представленная диссертация «Музейная атрибуция древнерусской мебели: подходы, методы, практики» не соответствует требованиям пп. 9, 10, 14

Положения о присуждении ученых степеней в действующей редакции. Соискатель УГЛЕВА Наталья Владимировна не заслуживает присуждения ученой степени доктора культурологии по специальности 5.10.2 - Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология).

Также обращаю внимание на соблюдение п. 38 Положения о совете по защите диссертаций... (Приказ Минобрнауки России от 10 ноября 2017 г. №1093).

Доктор искусствоведения
Зав. Сектором искусства стран Азии и Африки
Государственного института искусствознания МК РФ,

Е. И. КОНОНЕНКО

11.02.2026

Федеральное государственное бюджетное
научно-исследовательское учреждение
«Государственный институт искусствознания»
125009, г. Москва, Козицкий переулок, д. 5
тел.: +7 (495) 694-0371, факс.: +7 (495) 785-2406

ПОДПИСЬ

УДОСТОВЕРЯЕТСЯ. НАЧ

